

г. Москва

108
409-1971
август 1971

БРЕХТОВЦЫ В ТБИЛИСИ

СЕРГО Закариадзе рассказывал по возвращении из ГДР в 1969 году: «Велико было волнение нашего коллектива перед выходом на сцену прославленного брехтовского театра. Но в театре нас ждала телеграмма от находившихся в отъезде брехтовцев, подписанная супругой и продолжательницей дела Брехта — Еленой Вайгель. Веселая телеграмма-напутствие: «Ни пуха, ни пера!». И мы почувствовали себя в доме друзей».

Тогда же, во время гастролей Театра имени Руставели в ГДР, была достигнута договоренность об ответном визите «Берлинер ансамбля» в Тбилиси. И вот теперь коллектив Брехта и Вайгель выступил на сцене театра, который возглавлял Закариадзе.

Гастроли «Берлинер ансамбля» в Тбилиси — третье выступление театра в Советском Союзе. Надо ли говорить, какой резонанс имело выступление брехтовцев, показавших здесь пьесы «Кориолан» и «Трехгрошовая опера».

Встречи с этим коллективом Жан Вилар называл «вечерами, увлекающими мысль». Это не столько образ, сколько оценка, точная по сути: театр размышляет

вместе с вами и с вами вместе хочет сделать вывод.

Уже вovsky «запета» брава-тая песенка о зубастом Мекки, ставшая неожиданно для композитора Курта Вайля эстрадным шлягером: во многих театрах можно увидеть поверхностно-комедийные, буффонные, опереточные и другие варианты «Трехгрошовой оперы». Но «Берлинер ансамбль» остается верен концепции, созданной Брехтом: за видимой веселостью — острый, злой социальный памфлет. Спектакль строится в соответствии с одной из творческих заповедей театра — «раскрывать человеческую природу классовых взаимоотношений». Один спекулирует пороками, недугами и библией, поставив нищенский промысел на коммерческую ногу, другой с благословения полиции элегантно вспарывает сейфы и животы. И даже водевильный «хэппи энд» — отнюдь не только лихая пародия, а едкий сатирический портрет цинизма в натуральную величину...

Если попытаться двумя словами определить итог, сумму сценических слагаемых — речь, пластика, музыка, оформление, — то в спектаклях «Берлинер ансамбля» — это энергия и мысль. Яркое подтверждение тому, что блестящая те-

атральность — не самоцель, а убедительное средство. Скажем, великолепная сцена боя в «Кориолане» — не просто маленький постановочный шедевр, а ключ к тональности спектакля: только борьба, непримиримая и бескомпромиссная решимость вершат правый суд. А удивительная по цельности сцена свадьбы (сама по себе — спектакль-миниатюра) или сцена в обители девиц из «Трехгрошовой»? Было бы смешно, если бы не было страшно, — так обнажены порою до гротеска доведенные характеры, когда уже не человек — носитель того или иного свойства, а свойство — диктатор, хозяин положения.

И уж не знаю, кого можно выделить из актеров труппы — Фелицитас Рич (мать Марция, жена Пичема), Штефана Лазевски (Мекки), Эккехарда Шалля (Марций), Дитера Кнауца (Агриппа) — или еще кого-то из многих, многих других. Не знаю, потому что сама природа этого театра восстает против деления на ведущие и вспомогательные силы, сама поставленная им для себя задача, определенная уже в названии — «Ансамбль».

Ю. МОСЕШВИЛИ,
соб. корр. «Советской культуры».

ТБИЛИСИ.